

геннадий айги
начала полян

Геннадий Айги
Александр Юрьевич Макаров-Кротков
Галина Айги
Собрание сочинений в 7
томах. Том 1. Начала полян

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67260009

Собрание сочинений в 7 томах (2009). Том 1. Начала полян / Геннадий Айги / Составление Галины Айги и Александра Макарова-Кроткова:

Гилея; Москва; 2009

ISBN 978-5-87987-052-9

Аннотация

Самое обширное на сегодняшний день собрание стихов Геннадия Айги (1934–2006), изданное по инициативе его жены Галины. Тома содержат предисловия В. Новикова, А. Хузангая, Ф.Ф. Ингольда, О. Седаковой, Е. Лисиной и М. Айзенберга. Оформитель издания А. Бондаренко, портреты поэта – Николай Дронников.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Живые страницы

7

Конец ознакомительного фрагмента.

21

Геннадий Айги
Собрание сочинений
в 7 томах (2009). Том
1. Начала полян

Am 60 x 44.5 x 50

Выражаем искреннюю благодарность Германскому ПЕН-Центру, Творческой программе ДААД (Германия), Шведской Королевской Академии и всем, кто принял участие в финансировании настоящего издания

Составление Галины Айги и Александра Макарова-Кротова

Художник Андрей Бондаренко

На фронтиспise – портрет Геннадия Айги работы Николая Дронникова

© Галина Айги, 2009

© Вступительная статья. Ева Лисина, 2009

© Графика. Николай Дронников, 2009

© Оформление. Андрей Бондаренко, 2009

Живые страницы

Вспоминается 1959-й год... Я – студентка 4-го курса Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева. В один из последних дней ноября ко мне, занимающейся в читальном зале, прибежали подруги-сокурсницы, с которыми я жила в одном общежитии: “Тебе не медленно надо ехать домой, в деревню”, – “Что случилось?” – “Мать заболела”. Как я ни просила, они так и не показали мне телеграмму, сослались на то, что впопыхах куда-то засунули и теперь не могут найти. Я узнала текст телеграммы только в деревне: “Мать при смерти, немедленно выезжай”, – таково было ее содержание. Мой брат (поэт Геннадий Айги) находился в Москве же, но я не стала терять времени на поездку к нему, оставила его адрес подругам, а сама в тот же вечер села на поезд.

До этого я всегда ездила в общем вагоне, битком набитом черным, бедным людом, бывало, сидишь прямо на полу, среди мешков и узлов. А сейчас я в первый раз попала в купейный вагон (пока одни разыскивали меня, другие уже купили билет на поезд). Я ехала с военными – хорошо одетые, самоуверенные люди пытались шутить со мной, но какие тут могут быть смех и шутки? Что же случилось с мамой? Именно тогда мне вспомнился случай из детства (сейчас я часто вспоминаю его как некий символический образ матери). Я

совсем маленькая. Хлещет шквальный дождь, гром грохочет, да так, будто весь мир содрогается. Я прижалась к маме. “Мама, тебе совсем-совсем не страшно?” – спросила я тогда. Мама погладила меня по голове: “Страшно, мне тоже страшно, но мне нельзя бояться – ты же совсем еще маленькая”. В этих словах словно воплощена вся мамина жизнь: страшно – нельзя бояться, уже нет сил – нельзя устать, нет просвета в непрерывной нужде – нельзя сказать “пропадаем”. Потому что дети маленькие, потому что надо поставить их на ноги, вывести в люди.

В последний раз я была дома в конце сентября – помогала маме убирать картофель. Тогда меня поразили ее ладони: они напоминали пожелтевшие липовые листья. Вспомнила это, и мне стало страшно: это же признак страшной болезни! Неужели?! Не может этого быть! А какие у нее были худые икры... Боже мой! Заставляю себя думать о другом. “Другое” – тоже неутешительное. Перед тем как мне уехать в Москву, мама задала престранный вопрос: “Ты знаешь, где твой брат?” Она и сама прекрасно знала, что он в Москве. Мама умоляюще смотрит мне в глаза, настаивает: “Ты дружна с братом, все знаешь, не скрывай от мамы, скажи правду”. Видя, что я стою в полной растерянности, она поведала мне странную историю. Оказывается, к ней приходил бывший директор нашей школы Е.В. Нестеров и сообщил, что с ним разговаривали “люди из района” и сказали, что Геннадий Айги связался с воровской шайкой и теперь разбойни-

чает на дорогах. Умный, добрый наш учитель (к своим ученикам он относился как отец, кроме того, он был другом нашего отца-учителя, погибшего на фронте) этой вести не поверил, о ней никому не рассказывал, сообщил только маме. Я попыталась успокоить маму: “Все это ложь, выдумка, брат находится в Москве, я часто его вижу. Как только приеду в Москву, тотчас же увижусь с ним, и он напишет домой”. — “Почему же о нем распространяют такие ложные слухи?” — сетует мама. Действительно, почему?

В Чувашии было холодно, лежал снег. В спешке я выехала из Москвы в том, в чем ходила, в тонком осеннем пальто и ботинках. Из райцентра Батырево до нашей деревни пришлось ехать в открытом кузове грузовика. Я так окоченела, что, когда сошла с машины, не могла согнуть руки-ноги. Еле добралась до дома. А дома никого, в нетопленной избе виден пар, во дворе мычит голодная корова. Бегу к соседям, там мне сообщили, что маму в тяжелом состоянии отвезли в больницу, в соседнее село Тарханы. Отправляюсь туда.

К маме пустили сразу же. Я не помнила, чтобы мама когда-нибудь лежала среди бела дня. Теперь же лежит днем, на больничной койке, у двери... Мы целуемся. Ах, мамина щека, мамины руки!... Какая магия заключена в материнском тепле, вот лежит мама больная, но все равно не страшно, кажется, что все будет хорошо. У меня для мамы есть московский гостинец: белый хлеб, красные яблоки. Мама берет их

в руки, любит и благодарит: “Спасибо, доченька, спасибо!” (а кисти рук у нее – тонкие-тонкие, и оттого рукава кажутся слишком широкими).

Диагноз – немыслимый, оглушающий – я узнала от самой мамы: оказывается, при ее обследовании врачи между собой говорили по-русски (вероятно, им и в голову не приходило, что эта бедно одетая чувашская крестьянка знает и по-русски, и по-татарски), они поставили и диагноз, определили и то, сколько же месяцев осталось ей жить. Как отвести эти слова, нависшие черной громадой, как отвести нахлынувшее чувство пустоты? Единственное, что я могу делать, это гладить мамины руки, смотреть в любимые глаза – умнейшие, терпеливейшие – и говорить: “Наверное, это не так, бывает, и врачи ошибаются, надо показаться другим врачам”. Потом я зашла к доктору. “У твоей мамы рак”, – сообщил он. Расспросив о нашей семье (я учусь, сестра моя – инвалидка, про брата сказала, что он учится в Москве, хотя он был уже исключен из института), добавил следующее: “Наверное, у вас и средств-то нет, не стоит тратиться – возить больную по разным больницам, она скоро умрет”.

Мне кажется, что иногда несчастье, страшную вест человек переносит не потому, что у него много душевных сил, а просто потому, что у него механически стучит сердце, человек только поэтому и не умирает, только поэтому и “выдерживает”. Я вышла на улицу. Конечно, я не буду дожидаться маминой смерти, сделаю все, что в моих силах. Я отправи-

лась на почту. Звоню в Батырево, в редакцию нашей районной газеты “Авангард”, нашему старому другу Кави Юлдашеву. О, благословенные голоса друзей! “Успокойся, успокойся, – говорит Кави. – Сначала надо тщательно проверить. В Батыреве прекрасные врачи работают. Я сейчас пойду и договорюсь с ними, а ты завтра привози маму. Мы вас будем ждать”. Теплые, обнадеживающие слова! Еще раз захожу к маме, а потом сразу же отправляюсь в правление колхоза – просить на завтра лошадь.

Но на чем же ехать в такую погоду? Если на санях – снегу совсем мало, хотя и подморозило, но санного пути еще нет. Если на телеге – дороги страшные, все в колдобинах и ухабах, можно опрокинуться, потом такую тряску не то что больной, здоровый человек не выдержит. Я решила ехать на санях, по краю леса, думая, что по заледенелым травам сани должны хорошо скользить, а если и опрокинемся, все-таки это не то, что падать с телеги.

Но доехали мы с трудом. Батыревские врачи обследовали маму очень тщательно, сказали ей, что ничего страшного, а мне же сообщили первоначальный диагноз. Поверила ли мама успокоительным словам врачей или нет? Никогда не забуду я тогдашний наш разговор. Мы у Юлдашевых одни, вдвоем с мамой. Мама лежит на постели. Из окна падает какой-то немощный красный свет. “Жизнь такова: человек рождается, живет и умирает, – сказала мама. – Родители должны умереть раньше, а дети должны жить”. Я это вос-

приняла как “надо готовиться к исходу”. В этом мире я ничьим словам не верила так, как маминым, от ее слов на долю секунды промелькнуло леденящее душу ощущение, что нам вскоре предстоит расстаться, и мне стало невыносимо сиротливо. Наверное, на мои глаза навернулись слезы, на что мама сказала ласково и твердо: “Давай не будем плакать”. Видимо, за последние три дня я вся выдохлась, обессилела, какой-то отрезок времени полностью выпал из памяти: на следующий же день мама была помещена в больницу села Первомайское, но я абсолютно не помню, кто ее туда перевез – я сама или батыревские врачи. Я пришла в себя только на следующий день, когда приехал брат. Оказывается, он еще в Батыреве узнал, где находится мама, и прямо оттуда отправился в Первомайское. “Мама лежит в коридоре, одеяло ее заледенело, поговорив с врачами, я перевел ее в палату”, – сообщил он мне.

Через несколько дней маму на самолете отправили в Чебоксары, в республиканскую больницу. Чтоб быть поближе к ней, брат в тот же день выехал в Чебоксары.

Мама находилась в больнице больше месяца. Все это время брат жил в Чебоксарах. Там он подружился с тремя студентами и часто встречался с ними (надо сказать, потом всем троим пришлось нелегко, но они во всех ситуациях оставались честными людьми и сейчас занимают достойное место в чувашской литературе). Из этого позже выдумали еще один повод для обвинения Айги: в 1977 году директор Чувашско-

го научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики на собрании научных работников заявил, что “еще зимой 1959 года Айги организовал в Чебоксарах тайный кружок студентов”, и попытался одного молодого ученого связать с этим “делом” (хотя тот познакомился с Айги только в 1966 году).

Маме сделали операцию. Брат привез ее сразу же после Нового года. Впереди – страшных шесть месяцев, впереди – хрупкая надежда, мука и отчаяние.

У брата сложилась такая привычка: он почти всегда работает до утра, спит днем. Во время ухода за больной мамой такой распорядок дня был очень кстати: днем ухаживаю я, ночью же – брат. Бывало, проснешься и видишь: на столе горит керосиновая лампа, брат сидит, пишет, а мама лежит на высоко приподнятых подушках. Случалась и такая сцена: за столом никого, брат усадил маму, и сидят они вдвоем, беседуя тихо-тихо. В минуты же, когда больной становилось невозможно, брат будил меня, чтобы я сделала ей укол.

Иногда мне хотелось сказать маме: “Видишь, твой сын не бродяга, не разбойник, разве разбойник сидел бы по ночам над стихами, разве разбойник так ухаживал бы за мамой?” Но не говорила, мама сама видит.

Как-то утром, собирая со стола листки, исписанные братом за ночь, я остолбенела – лежало стихотворение, написанное по-русски:

Не снимая платка с головы,
умирает мама,
и единственный раз
я плачу от жалкого вида
ее домотканого платья.

Это стихотворение и удивило, и ударило по сердцу. Удивило то, что Айги начал писать по-русски. Болезненное же восприятие можно объяснить вот чем: конечно, мама умира-ла, но до самой ее смерти я не признавала это, не могла про-изнести это слово, а тут оно было сказано прямо, не остав-ляя никакой надежды. К тому же в этих нескольких строках очень точно передан мучительный образ мамы: мы подкла-дывали ей за спину подушки, и сидела она, тяжело опустив голову (казалось, маме не хватает сил поднять ее), в пестром домотканом платье, в платке, чтобы поправлять его, с тру-дом поднимала руку...

Вся наша жизнь теперь была подчинена болезни мамы, поэтому я даже не помню, говорили ли мы про дела брата. Но оказалось, что я живу в страхе за него. Выяснилось это неожиданно.

Брата тогда не было дома. Мне же надо было сходить в со-седнюю деревню, расположенную в двух километрах от нас. Вечер. Вьюга началась. Я шла полем. Потом спустилась в ложбину... и остановилась... На дровнях человек лежит!.. В полушубке, валенках, а шапка слетела с головы, валяется рядом. У меня волосы встали дыбом и вырвался крик ужаса:

“Теде! Теде!¹ Убили! Теде убили!” Если же подумать – брат никак не мог оказаться здесь, в таком виде, он и ходил-то не в полушубке, притом мы живем в родной деревне, в родном доме – кого, чего я должна бояться! Нет, ни о чем не могу думать, кричу по-прежнему. Я кинулась к саням и человека, лежащего ничком, перевернула на спину. Нет, не брат. Человек жив, по-видимому, пьян, наверное, небрежно запряженная лошадь при подъеме распряглась и ушла, а сани с хозяином остались здесь. Чтобы позвать людей, я побежала на ферму, расположенную рядом.

В Чувашии “дело Айги” началось еще раньше, чем в Москве, оно уже дошло до родной деревни. Мама рассказывала, что несколько раз к нам подбрасывали газеты – “раскроешь их, а там поносят Геннадия”. От мамы же я узнала, что в наше отсутствие (мы с братом находились в Москве) к нам еще в 1958 году наведывался один человек. Он уверял маму, что учился вместе с ее сыном в Батыревском педучилище, дружил с ним, потом допытывался, пишет ли он и что пишет. Маме этот человек не понравился, она так и сказала ему: “Я знаю всех друзей своего сына, среди них такого нет, больше к нам не ходи”.

(Из воспоминаний Айги: “Когда осенью 1958 года я приехал домой, почему-то многие сторонились меня, некоторые даже не подавали руки”).)

¹ Теде – обращение к старшему брату.

Сейчас же поэт приехал ухаживать за умирающей мамой, а в это время в Батыреве на сессии депутатов местного райсовета публично объявили, что “Айги – враждебный элемент, находящийся под официальным наблюдением”.

В это тяжелое время к нам из села Тарханы приходили двое молодых людей. Это были замечательные ребята – умные, открытые. Кажется, один из них по какой-то причине был исключен из института. Их посещение лично я воспринимала как радостное событие: на какое-то время забывалась и болезнь мамы, наша тихая изба наполнялась стихами, жаркими спорами о литературе и искусстве, даже сидящая на постели мама с интересом наблюдала за “вдохновенным кружком”. Но однажды (кажется, это было в конце апреля) они постучались глубокой ночью. Ребята были тихие и подавленные. Разговор был недолг, они сообщили, что их вызывали и допытывали: “Айги – враг народа, вы ходите к нему, что он говорит, что пишет?” Перед уходом один из ребят сказал: “Геннадий Николаевич, мы вас не предавали, мы ответили им, что с поэтом говорили только о поэзии. Но нам запрещено с вами встречаться”. Действительно, после этого они перестали к нам ходить. Уже потом (после смерти мамы, после отъезда брата) я встретила одного на ярмарке, он посмотрел на меня сочувствующими, страдающими глазами, но не подошел.

Брат часто отправлял в Москву письма, но ответы прихо-

дили крайне редко. Даже о том, что Пастернак болен, узнали в конце марта от тех же тархановских ребят (они слышали “зарубежный голос”).

Маме становилось все хуже. Чтобы постоянно находиться возле нее, я не отлучалась из дому. Даже в аптеку за лекарствами ходил брат. Однажды (это было в первых числах июня, вечером) он вернулся бледный, с искаженным лицом... Наверное, он плакал. “Теде, что случилось?” – спросила я. Он протянул мне ли сток бумаги: “Вот, телеграмму вручили”. Прочитав слова “классик умер”, я поняла, что скончался Пастернак. Упомянуть имя лауреата Нобелевской премии было опасно, поэтому вместо него написали “классик”. Вспоминая тот вечер, я представляю поле между нашей деревней Синьял и селом Тарханы, овраги, пыльный бурьян у дороги, идет этой дорогой (или же стороной, чтобы не встречать людей) один поэт и плачет о смерти другого – любимого – поэта...

Айги дружил с Пастернаком, это считалось одним из его “грехов”². Брат показал телеграмму маме (а ей осталось жить ровно неделю, семь дней). Мама знала про Пастернака – наверное, Гена рассказал ей о поэте в те самые бессонные но-

² О. Ивинская в своей книге «В плену времени» (Париж, 1978) вспоминает: «На моей памяти, Борис Леонидович искренне отмечал тогдашнего студента Института имени Горького, молодого чувашского поэта Геннадия Айги. Он разбирался в его подстрочниках, предпочитая их рифмованным стихам. Борис Леонидович видел в них так им ценимые собственное поэтическое восприятие мира и острый глаз поэта».

чи. “Сынок, поезжай, – сказала мама. – Ты должен быть на похоронах этого человека. Только после похорон сразу же выезжай обратно. Я подожду тебя, не умру до твоего приезда”. Брат выехал сразу же. Но буквально через час вернулся обратно: “Когда я бежал по дороге, остановился и при свете луны еще раз прочел телеграмму...” Оказывается, ошеломленный первыми словами телеграммы, он не вник в указанные даты. Телеграмму-то отправили в день смерти Пастернака, но адресату вручили ее только через несколько дней после похорон. Выяснилось, что поступили так преднамеренно: через несколько дней Айги случайно встретил начальника почты, и тот издевательски рассмеялся: “Мы хорошо знаем, о каком классике шлют тебе телеграмму”. Позже стало известно следующее: из Москвы было направлено целых три телеграммы (две телеграммы послал композитор Андрей Волконский), Айги же вручили только одну, и то с большой задержкой.

Чувствовалось ли, что за нашим домом следят? Мы живем в родной деревне, в родном доме, среди соседей, про которых чуваши говорят: “Хорошие соседи дороже родных”. Но кому-то – чужим людям – разрешено было бросать в наш дом камнями, и это – окружение злых сил – чувствовалось явно. Такое даже невозможно было понять. Скажите, разве нормальный человек может понять следующую историю? До кончины мамы осталось два-три дня. Утром я вышла на улицу, и у меня потемнело в глазах: на наших воротах круп-

ными буквами было написано: “Лисин Хветусе вилне”³. Почувствовала кожей – кто-то следит за мной. Взглянув мельком, заметила, что у дома напротив сидят несколько человек. Это были незнакомые люди – они-то и следили за мной. Какой реакции ждали они от нас, в данном случае от меня? Я должна была плакать, кричать, тем тешить их злорадство и кощунство? Я сделала вид, что ничего не заметила, будто собирая щепки, подошла совсем близко к воротам, а потом ушла домой. А затем подстерегла момент, когда на улице никого не было, и стерла кощунственную надпись. Я молчала об этом 25 лет, кроме брата не сказала никому, потому что это было оскорбительно для всей деревни, где еще умеют уважать и рождение, и смерть человека. Когда же в 1985 году рассказала двоюродной сестре, она была ошеломлена.

Стояла испепеляющая жара. В избе стало очень душно, поэтому мама попросила перенести ее в сени, где было темнее и прохладнее. В этот же вечер она простилась с нами, на ее благословение мы заходили поочередно, по старшинству: сначала – брат, потом – сестра, а потом уже – я. Не знаю, что говорила мама брату и сестре, но при благословении меня душераздирающим было то, что после общечеловеческих наказов мама давала мне и бытовые советы, словно она боялась, что после ее смерти я не буду знать, что делать. Одну просьбу она повторила несколько раз: “Брат твой не будет жить в деревне, а ты живи здесь, сбереги наш дом”. И

³ Лисина Хведусь умерла.

последние слова – в чем положить в гроб...

На следующий день сестра ушла пасти гусей, а брат, как обычно, отправился за лекарствами для мамы. Мама скончалась на моих руках: лежащая на полу в сенях, она попросила усадить ее и подложить за спину подушки. “Еще, еще!” – говорила она, а как только я подложила последнюю подушку, попросила о другом: “Сними, сними!”, – когда я все сняла, она упала и вытянулась... Все было кончено... Когда вернулись сестра с братом, мама, уже умытая, лежала в избе на нарах... Лик ее был спокоен, сгладились следы мучения, лежала она в своем единственном нарядном платье (у него было почетное название – “красное сатиновое девичье платье”)... Страшные минуты, страшные часы... Ушла мама, и на наш дом, на нашу жизнь навалилась такая пустота, что даже живое казалось неживым... На третий день после похорон брат уехал в Москву. Я не упрекнула его, хотя была очень обижена, считая, что он бросил нас, сестер, в самые тяжелые минуты. Слава богу, что он поступил так, а не иначе. Верно, судьба встала на сторону молодого поэта (ведь ему тогда было всего 26 лет). Если бы остался, могло случиться худшее. Я это поняла на следующий же день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.